



ЯЗЫК . СЕМИОТИКА . КУЛЬТУРА



Т. М. НИКОЛАЕВА

ОТ ЗВУКА К ТЕКСТУ



ЯЗЫКИ РУССКОЙ КУЛЬТУРЫ

Москва 2000

**ББК 81.2Рус-67-1
Н 63**

*Издание осуществлено при финансовой поддержке
Российского фонда фундаментальных исследований
(РФФИ)
проект 99-06-87007*



Николаева Т. М.

Н 63 **От звука к тексту.** – М.: Языки русской культуры, 2000. – 680 с. – (Язык. Семиотика. Культура).

ISBN 5-7859-0117-X

В рамках единой объясняющей теории обобщены многочисленные результаты исследований автора в области языковых, коммуникативных и семиотических систем. Представлены конкретные и общетеоретические размышления автора на широком филологическом поле: от звука – к интонации высказывания – к слову и концепту – к коммуникативному синтаксису – к тексту.

ББК 81.2Рус-67-1

Outside Russia, apart from the Publishing House itself (fax: 095 246-20-20 c/o M153, E-mail: koshelev.ad@mtu-net.ru), the Danish bookseller G·E·C GAD (fax: 45 86 20 9102, E-mail: slavic@gad.dk) has exclusive rights for sales of this book.

Право на продажу этой книги за пределами России, кроме издательства «Языки русской культуры», имеет только датская книготорговая фирма G·E·C GAD.

ISBN 5-7859-0117-X



9 785785 901179 >

- © Т. М. Николаева, 2000
- © А. Д. Кошелев. Серия «Язык. Семиотика. Культура», 1995
- © В. П. Коршунов. Оформление серии, 1995

Электронная версия данного издания является собственностью издательства, и ее распространение без согласия издательства запрещается.

Содержание

Введение	11
----------------	----

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ЧЕЛОВЕК МАНИПУЛИРУЕТ ЯЗЫКОМ

§ 1. Общие теоретические предпосылки	13
1. Системы валоризованные и эмпирические	13
2. Лингвистика на исходе XX века	16
§ 2. Диахрония или эволюция?	19
1. Лингвистическая теория и языковые изменения	19
2. Гипотеза о законе языковой эволюции	30
3. Какие же языковые компоненты можно считать исходными?	34
§ 3. Просодическая схема слова. Словесное ударение — факт поздней валоризации	43
§ 4. Ударение — в отличие от просодической схемы. Акцентное выделение — в отличие от «фразового ударения». Изоморфизм моделей	56
§ 5. Акцентное выделение как средство языковой компрессии. Способы формирования дополнительных «смысловых строк» в пространстве восприятия высказывания-1	64
1. Акцентное выделение и контраст	65
2. Акцентное выделение и важность	66
3. Акцентное выделение и эмпфаза	68
4. Акцентное выделение и актуальное членение	70
5. Акцентное выделение и «введение в экстраординарную ситуацию»	73

§ 6. Акцентное выделение и языковые частицы. Способы формирования дополнительных «смысловых строк»-2	80
1. Частицы: аксиомы и парадоксы	81
2. Частицы и «акцентирование»	85
3. Частицы и ситуации. «Скрытая» семантика частиц	92
§ 7. Строки прозаическая и поэтическая: проблемы первичности и вторичности	105
§ 8. О возможных причинах модификации латинской и греческой словесно-просодических моделей	112
§ 9. Идея первичной и вторичной семантики грамматических категорий. Способы построения дополнительных «смысловых строк»-3. Употребление неопределенных и притяжательных местоимений и способы передачи дополнительной информации	118
1. Грамматические категории и три этапа их эволюции	118
2. Русские неопределенные местоимения: функции первичные и вторичные	119
3. Посесивы и их «дополнительная семантика» (т. е. «дополнительные коннотации»)	126
§ 10. История одного посесива — стремление к языковой компрессии	134
1. <i>Свой</i> : языковые данные	136
2. Опыт иерархии лингвистических интерпретаций	141
§ 11. Речевые стереотипы, цитации, фразеологизмы, клише. Способы формирования дополнительных «смысловых строк»-4. Сходство «стереотипов» и суперсегментных просодических моделей	147
§ 12. «Лингвистическая демагогия» — мощное средство убеждения коммуниканта	155
§ 13. Понятие «валоризации», оппозиции Н. С. Трубецкого и ментальные стереотипы, определяющие вид речевого поведения	162
§ 14. Краткие выводы	174
Примечания	177

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

Язык — РАЗГАДКИ И ЗАГАДКИ

§ 1. Краткое введение	179
§ 2. Интонация. Ее составляющие — параметры. Их функционирование	182
1. Три интонационных слоя звучащей фразы	185
2. «Компенсационный» закон А. М. Пешковского	192
3. Попытка определения интонымы	203
4. Интонация и синтаксис	210
5. Интонация и морфология	211
§ 3. Интонация и типология. Основные интонационные модели славянских и балканских языков	212
1. Уровни типологического сопоставления фразовой интонации	212
2. Трудные проблемы типологического описания фразовой интонации	222
3. Основные интонационные модели славянских языков	228
А. Общие характеристики	228
Б. Анкета. Описание интонации	231
В. Некоторые гипотезы	234
4. Кое-что о просодии Балкан	236
А. Сведения о просодии Балканского языкового союза	236
Б. Основные интонационные типы и их просодическая структура	243
§ 4. Универсальность vs. типологичность просодической схемы. «Неоштокавский сдвиг» и его возможные причины. Временные загадки балканской просодии	252
1. Просодическая схема-2	252
2. «Неоштокавский сдвиг»	256
3. Временные загадки балканской просодии	260
§ 5. Чем притягивается словесное ударение? «Лексическое ударение» и «пики интенсивности» в русском словосочетании	270
1. Место ударения и фонетический состав слова	271
2. «Лексическое ударение» и «пики интенсивности» в русском именном словосочетании	282
§ 6. Что стоит за сложными правилами русской пунктуации?	291
§ 7. Три типа сегментных указателей межфразовой связи. Их иерархия	298

§ 8. Как изучать коммуникативные частицы? Общеизвестные положения. Парадоксы изучения частиц. Проблемы описания	303
1. Общеизвестные положения	304
2. Парадоксы изучения и описания	310
3. Проблемы описания	314
§ 9. Русские дейктические частицы, их функционирование в n-мерном пространстве. Что является «ближним дейксисом» — <i>вот, вон</i> или <i>это</i> ?	321
§ 10. Славянский партикулярный фонд. Формульная структура. Славянские языки и формально-смысловая структура. Какая смысловая категория пласта партикулярных лексем является доминантной? Некоторые неславянские параллели	327
1. Формульная структура славянского фонда партикул	328
2. Славянские языки и формально-смысловая структура пласта партикулярных лексем	339
3. Какая смысловая категория пласта партикулярных лексем является доминантной?	342
4. Некоторые неславянские параллели	344
§ 11. Частицы и формальная структура высказывания	347
§ 12. Понятие акционального статуса и различие <i>хотя</i> и <i>хоть</i> в синхронии и диахронии	363
§ 13. <i>Этот, его, этот его</i> и славянская «модель мира». Об одном подходе к интерпретации посессивных значений	378
§ 14. Качественные прилагательные и установка на стабильность в корреляции с языковой «картиной мира»	387
1. Прилагательные и характеристики внешних объектов	389
2. Прилагательные и представление о нормативном статусе мира	390
3. Прилагательные и субъективно-объективные свойства	393
4. Прилагательные оценки лица	394
§ 15. «Модель мира» в грамматике паремий. Грамматика паремий как социальный фактор. Различия в социализации и глубинной грамматике пословиц и загадок	397
1. Социальные функции паремий	398
2. Предикат в пословице и загадке	401
3. Референциальный статус имени	404
4. Корреляты пропозиции	407
Примечания	408

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

ЯЗЫК МАНИПУЛИРУЕТ ТЕКСТОМ

Краткое введение	411
§ 1. Общие положения. Единицы языка и теория текста	412
1. «Лингвистика текста» и ее эволюция	412
2. Билатеральность знака в тексте и идеи текста как пространства	417
3. Дешифровка «неочевидных смыслов»	422
4. Дешифровка текста и языковые уровни	424
5. Функциональная иерархия языковых единиц	427
6. Реляционные грамматические показатели и текст	433
§ 2. Звуки в тексте	437
1. Звукопись — один из ведущих принципов поэтики «Слова»	437
А. Начала	442
Б. Темы	443
В. Фуги	444
Г. Анаграммы	447
2. Звуки, которые слышат только поэты. «Из пламя и света рожденное слово...»	449
1. Тип звука и его характеристики	455
2. Время восприятия звуков поэтами	456
3. Предполагаемый источник воспринимаемого звука	458
4. Состояние души поэта перед восприятием звука	460
5. Творческая реакция поэта — исход стихотворения	460
§ 3. «Незнаменательные слова» и текст	462
1. <i>А мы швейцару: «Отворите двери!»</i> (В развитие идей Дмитрия Николаевича Шмелева о цельности семантики лексемы)	462
2. Семантика убеждения: лингвотекстологический анализ речи Марка Антония над гробом Цезаря в драме Шекспира	468
§ 4. Текст и грамматические показатели	475
Русские — Половцы	475
§ 5. Число и текст	484
Числовые модели порока и добродетели (Семантика «оцифрованного времени» в «Манон Леско»)	484
§ 6. Лексико-грамматические скрепы	488
Функционально-смысловая структура антитез и повторов в «Слове о полку Игореве»	488

§ 7. Текст — диалог поэтов	504
1. Образы, навеянные «Словом», в пушкинских текстах	504
А. Образы-персонажи	505
Б. Образы-впечатления	513
В. Образ географический — маршрут Лжедмитрия	514
2. Автор «Слова» и Боян	515
3. Пушкин и Боян	522
4. Смерть властелина на охоте: «Охота» Н. С. Гумилева и «Сероглазый ко- роль» А. А. Ахматовой	541
§ 8. Текст как пространство	551
Евгений Онегин, «Адольф» и загадочная Татьяна	551
§ 9. Текст в тексте	564
Метатекст и его функции в тексте (на материале Марииинского Евангелия)	564
К чему восходит текст о безвременно погибшем юноше?	578
Реконструкция единого «сна» у одиннадцати пушкинских героев	581
§ 10. Текст и жизнь	597
О возможном влиянии одного текста О. Бальзака на судьбы русских поэтов ..	597
Примечания	611
Литература	614
Список трудов Татьяны Михайловны Николаевой	660

Введение

Жанр предлагаемой читателю книги определить довольно трудно. Безусловно, она в каком-то смысле эклектична. Безусловно и то, что она является неким итогом работы автора в течение последних двадцати пяти лет. Труды первых двадцати лет существования в филологической среде сейчас не представляются интересными никак и ни в коей мере. Однако в Библиографию в конце книги они также включены.

Разумеется, на суд читателя хочется представить прежде всего теоретические выводы, но хочется также и предложить общему вниманию конкретные исследования и наблюдения, некоторые из которых кажутся не неудачными. В то же время не хотелось превращать эту итоговую книгу просто в сборник лучших статей, как это иногда бывает. Не хотелось и придавать ей явно искусственную цельность, сочиняя нечто вроде «перемычек» между опубликованными — давно или недавно — работами.

Наконец, перу автора принадлежит около десяти опубликованных монографий. Как быть с ними? Или не обращаться к ним совсем, или «вынимать» из них избранные отрывки? И это тоже было серьезной проблемой презентации своих трудов под одной крышей.

Можно сказать только одно: на протяжении всех сорока пяти лет работы проблематика всегда для меня доминировала над тематикой. Я кончала Университет в 1956 году по кафедре Общего языкознания, одновременно учась на отделении русского языка и литературы. Любовь и к тому, и к другому никак не вытравлялась последующими специализациями.

Поэтому была выбрана композиция книги, несколько неединообразная по основанию. Первая часть, по моему замыслу, демонстрирует общий теоретический результат всех моих лингвистических исследований. Отдельные, более конкретные наблюдения служат при этом иллюстрацией общей теории. Вторая часть — это исследования, если можно так сказать, тематические. Во второй части также отражено внутреннее продвижение, но уже в пределах принятого структурирования языковой системы. В этом смысле пусть не покажется странным, что одни и те же языковые феномены — просодические единицы, частицы, показатели неопределенности/определенности и проч. — оказываются распределены по разным главам: в первой главе они подтверждают общую мысль, а во второй они исследуются как таковые.

Особой специфической теории анализа текста, отличной от работ Московской семиотической школы, принципы которой были мною изложены несколько лет тому назад, у меня нет. Поэтому цель третьей главы — продемонстрировать конструктивную активность методов этой школы на примере своих работ по анализу текста и функционированию в нем речевых явлений — действительно, «от звука к тексту».

Библиография к этой книге может продемонстрировать как бы некий разброс интересов исследователя, но это именно разброс только исследовательской арены. На самом деле практически меня всегда интересовало нечто одно. Что именно — я постараюсь показать ниже. Во всяком случае, название книги «От звука к тексту» очень верное. Меня интересовало и движение от текста к звуку (включая и другие единицы), и, напротив, функционирование в тексте разных языковых единиц.

Наконец, «От звука к тексту» предполагает и какую-то достаточно большую промежуточную зону. Разумеется, на ней, на этой шкале, располагаются слова — знаменательные и незнаменательные, интонационные единицы, семантика звучащего синтаксиса, анализы текстов художественной литературы, анализ социального речеповедения разных русских слоев. Проще говоря, меня всегда притягивали какие-то сами собой возникавшие загадки, и я устремлялась их решать, не всегда должным образом оглядываясь на качество своей подготовки.

Тяжелой и мучительной проблемой для меня было то, что, обобщая и осмысляя былые свои работы, я оказалась не в состоянии фундировать их современной литературой, это было уже просто невозможно сделать по всем разделам. Поэтому я приношу искренние извинения всем тем достойным ученым, которые справедливо могут предъявить ко мне претензии по поводу неучтенности их идущих к делу работ. Это происходит от физической невозможности учесть все или просто от незнания. Именно поэтому я старалась включить в эту книгу те свои исследования, где, как казалось, было меньше обзорности, меньше дескриптивности и больше «своего».

Введения к подобным изданиям, как правило, заключаются благодарностями. И я благодарна от души очень и очень многим. И за человеческое добро, и за то, что у них многому было можно учиться. И я старалась воспринять от многих многое — открыто и непредвзято. В этой непредвзятости, возможно, были и плюсы, и минусы.

Но, выбирая — не без гордости за имевшие место человеческие и профессиональные контакты и с некоторой неловкостью за столь скромную отдачу — тех, кто повлиял на меня в наибольшей мере, хочу назвать прежде всего Александра Александровича Реформатского, Вячеслава Всеволодовича Иванова, Владимира Николаевича Топорова и Андрея Анатольевича Зализняка.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ЧЕЛОВЕК МАНИПУЛИРУЕТ ЯЗЫКОМ

§ 1. Общие теоретические предпосылки

1. Системы валоризованные и эмпирические

Прежде чем переходить к более конкретным анализам и результатам, необходимо изложить общие посылки, дальнейшее развертывание которых по сути и составляет текст данной части.

1. Первый из них — это все подкрепляющееся за годы работы убеждение в существовании в сознании человека, по крайней мере, двух систем. Одна из них представлена системным набором несколько абстрагированных фактов эмпирии, наблюдаемых и обобщенных в зависимости от возможностей данного реципиента. Вторая система, которую, вслед за Н. С. Трубецким и Р. О. Якобсоном, я предлагаю назвать «валоризованной», с первой системой «соотносится», но ее единицы не являются прямым обобщением по отношению к единицам первой системы, то есть они не связываются с ними родо-видовыми отношениями, как бы эти единицы ни назывались.

Эти положения в сущности не оригинальны, именно на них опираются все исследования о «фонологизации», о перестройке фонологических систем и т. п. В большой степени они соотносятся и с учением о «холодных» и «горячих» культурах, ибо эти идеи К. Леви-Стросса можно интерпретировать так, что в «холодных» культурах единицы валоризованной системы более ригидны и наблюдаемым фактам эмпирии трудно пробиться через этот ментальный «панцирь». В «горячих» культурах отношения между этими двумя системами более гибки и реципрокны по существу.

Новой, как мне кажется, является установка на то, что сосуществование этих двух систем (по крайней мере, двух!) пронизывает всю ментальную структуру homo sapiens. Существенно то, что эти системы могут перестраиваться — частично или полностью, но эта перестройка не есть процесс простого накопле-

ния фактов эмпирии, к тому вынуждающих, хотя, несомненно, количественный фактор тут существенен, и обычно «валоризуется» некий феномен эмпирии, превысивший количественный порог перцепции.

Эмпирия и ее факты связаны с жизнью, которая изменяется и предлагает нам новые модели. Перцептивно-когнитивные модели при этом бывают различны: они определяются личностной гибкостью, прежде всего социально-интеллектуальной принадлежностью, и многими другими факторами. Поэтому не «всякий, имеющий глаза, видит». И в жизни мы считаем кого-то хорошим человеком, потому что «так принято», хотя реальное добро делает (делают) совсем другой, кого-то считают «вором», хотя он ничего не воровал, считаем скромным честолюбца, мы проходим мимо очевидных явлений, не замечаем явных изменений и т. п. Девализация обычно приходит откуда-то извне — то есть уже в готовом виде. Наивно предполагать, что изменение валоризованной системы зиждется на чисто количественном фундаменте: недостаточно объяснили, мало знает... и под.

Именно поэтому интересно взглянуть иными глазами на андерсеновского мальчика из сказки о новом платье короля. Что же он, собственно, сделал: а) просто нарушил правила этикета, громко объявив то, что видели все; б) увидел то, чего другие искренне не видели; в) перевел факты эмпирии в валоризованную систему (то есть видели-то все, но заставляли себя не переводить этот факт эмпирии в явленный валоризованный феномен)? Мы считаем, что последнее, иначе сказка о детском простодушии и искренности была бы слишком пресной.

Несомненно также, что «плотность» валоризованной системы бывает различной: представляется, что для так называемых «традиционных» культур она максимализирована, поэтому они и «холодные», то есть не развивающиеся. (В этом отношении были бы очень интересны и важны исследования об эволюции «традиционных систем» и, главное, о тех узлах системы, где эта эволюция осуществляется, то есть важна динамика этих систем, какая это именно динамика и типология этих динамик.)

Валоризованную систему, несомненно, представляет и сам язык. Так, как мы его понимаем и преподносим. Как и почему язык валоризуется, я ответить не могу. Однако очевидно, что знаменитый тезис Сэпира-Уорфа о том, что язык оказывает влияние на поведение и мышление представителей той или иной нации, можно представить и симметричным образом: мы создаем себе язык сами, ибо язык (во всяком случае — на историческом отрезке времени) не дан нам извне, а сформирован нами же.

Но валоризованную систему представляет и сама лингвистика, как и всякая наука вообще. Поэтому лингвисты могут долго не замечать языковых изменений и не откликаться на данные новых исследований. Особенно это станет очевидно далее, при обсуждении вопросов, связанных с системой просодии и интонации.

Очевидно, что язык сам по себе в принципе — это «горячая культура». Но для нас, лингвистов, все, что связано с языком, подлежит по сути четырем типам модификаций. Во-первых, изменяются эмпирические факты языка — каждый раз под влиянием разных факторов. Во-вторых, валоризуется надстроенная над фактами языка языковая система. В-третьих, накапливаются наблюдаемые факты языка как материал для языковеда, и в то же время вообще изменяется стиль науки каждой эпохи. И наконец, в-четвертых, модифицируется валоризованная ранее система самой лингвистики.

2. Естественно, что из первого постулата вытекает второй: твердая установка на антропоцентричность всякого бытия, и прежде всего — языкового. При этом, разумеется, не отрицается возможность самоперестроек языковой системы, то есть существование языка как самостоятельного целого. Иначе говоря, автор придерживается того взгляда, что история лингвистики XX века доказала несколько иную трактовку знаменитого соссюрковского тезиса. А именно — язык изменяется в самом себе, но — не для себя!

3. Третьим опорным постулатом излагаемой ниже концепции является установка (и вера!), что языковые системы движутся в определенном направлении, которое можно считать эволюцией языка (не обсуждая при этом аксиологические проблемы — хорошо это или плохо — не нам судить, возможно, так мы запрограммированы и «не можем иначе»). Эволюция, в нашем понимании, связана с телеологией, с некоторой единой целью для всех языков. Какова же эта цель? Что под этим понимается в данной книге?

Автор считает, что этой целью является установка на многоканальность речевого сообщения, то есть

на передачу все большей информации в единицу времени.

Информация при этом понимается очень широко — это и действительность, включая разные способы передачи ситуации и ее составляющих, и отношение к ней говорящего, и средства убеждения коммуниканта, и неясные «колеблющиеся значения», возникающие вокруг слова, особенно в стихе, и рефлексии диахронических моделей.

Близкие к этому утверждения высказывались. Это и идея «экономии», и «лени», и идеи опрощения и ряд других. Но, как кажется, именно XX век поставил более четко вопрос о количестве информации, которую тот или иной язык способен передавать. Поскольку единица времени (как мы это понимаем на упрощенном уровне) меняться не может, то модификации подлежит сам язык и его выразительные средства. Как это происходит и как может происходить — будет подробно обсуждаться в следующих разделах настоящей части. Происходит ли это во всех языках? Разумеется, нет. Происходит ли этот процесс одновременно в «передовых» языках? Тоже нет. Используются ли при этом одни и те же средства в достижении указанной цели? Также нет, и это и должен изучать лингвист. Иначе говоря, языки как люди. Есть среди них и весьма продвинутые, есть и совсем не развивающиеся, есть и борющиеся за жизнь всеми